

МЕТАФИЗИКА ИДЕНТИЧНОСТИ НА ФОНЕ «ЖЕЛЕЗНОГО ЗАНАВЕСА». ФИЛОСОФЫ И ПОЛИТИКИ О СУДЬБАХ ЕВРОПЫ В 20 ВЕКЕ

Бросова Наталья Зиновьевна

Профессор, НИУ «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
n.brosova@yandex.ru

METAPHYSICS OF IDENTITY AGAINST THE BACKDROP OF THE "IRON CURTAIN". PHILOSOPHERS AND POLITICIANS ABOUT THE FATE OF EUROPE IN THE 20TH CENTURY

N. Brosova

Summary: The article analyzes the problem of European social and cultural identity in the 20th century; The phenomenon of the "Iron Curtain" is considered as the context of the problem. The "Iron Curtain" is a famous metaphor for a unique political situation, a characteristic of a historical period, and an effective factor in the (self-)determination of post-war Europe and the Western world. The concepts of M. Heidegger and W. Churchill demonstrate the complex dialectic of the relationship between philosophical understanding and political analysis of the situation. The author of the article shows that the perspectives of the democratic foundations of the West are implicitly substantiated by the universality of the metaphysical question regarding its own essence. It is also noted that the discourse of the identity of the Iron Curtain era remains relevant in the context of modern sociocultural conflicts.

Keywords: "Iron Curtain", social and cultural identity, the Western World, W. Churchill, M. Heidegger.

Аннотация: В статье анализируется проблема европейской социальной и культурной идентичности в 20 в.; в качестве контекста проблемы рассматривается феномен «железного занавеса». «Железный занавес» (iron curtain) – известная метафора уникальной политической конъюнктуры, характеристика исторического периода, а также действенный фактор (само)определения послевоенной Европы и западного мира. Концепции М. Хайдеггера и У. Черчилля демонстрируют сложную диалектику взаимосвязи философского осмысления и политического анализа ситуации. Автор статьи показывает, что конкретные перспективы демократических оснований Запада неявно фундированы универсальностью метафизического вопроса относительно собственной сущности. Также отмечается, что дискурс идентичности эпохи железного занавеса сохраняет актуальность в условиях современных социокультурных коллизий.

Ключевые слова: «железный занавес», социальная и культурная идентичность, западный мир, У. Черчилль, М. Хайдеггер.

Вопрос, который на заре христианской Европы сформулировал Августин в «Исповеди» – кто я и что? – проходит через всю историю европейского духа вплоть до настоящего времени. Изначально предельно широкая религиозно-метафизическая постановка этого вопроса давала возможность различным смысловым вариациям, выходящим на первый план в ту или иную эпоху. Современность с ее социокультурными и политическими катаклизмами, противоречивыми процессами глобализации, явила множество новых акцентов проблемы идентичности. При этом стоит заметить, что ее метафизико-теологическое измерение сохранило свою значимость, несмотря на явную тенденцию секуляризации общественной жизни — достаточно вспомнить бурные теологические дискуссии начала 20 в.: католических модернистов и антимодернистов, протестантских диалектических теологов, обсуждение идеи экуменизма, или уже послевоенный напряженный дискурс II Ватиканского собора, где решался принципиальный вопрос, как должна позиционировать себя католическая церковь в условиях второй половины 20 века. Иными словами: как

сохранить свою сущность, изменяясь в соответствии с историческими обстоятельствами.

Подобная задача, только в своеобразном ракурсе, проявилась перед западноевропейским (и не только) миром после второй мировой войны — народы, культура, политика должны были стать другими, оставшись при этом собой. Наряду с распадом колониальной системы важную роль в планетарной социокультурной трансформации сыграл феномен «железного занавеса», получивший концептуальный импульс в известной Фултонской речи У. Черчилля, но содержательно обозначившийся гораздо раньше.

Следует подчеркнуть, что «железный занавес» (Iron Curtain) – известное образное выражение, ёмкая метафора уникальной политической конъюнктуры, характеристика исторического периода, а также действенный фактор (само)определения послевоенной Европы и западного мира. Концепции двух известнейших фигур этого времени, Уинстона Черчилля и Мартина Хайдеггера, демонстрируют сложную диалектику взаимосвязи фило-

софского осмысления и политического анализа ситуации. Специфическая перекличка их идей показывает, что конкретные перспективы демократических оснований Запада неявно фундированы универсальностью метафизического вопрошания относительно собственной сущности.

Специфическое *credo* индивидуальной жизненной позиции У. Черчилль обозначил в выступлении перед учениками Harrow School 29 октября 1941 г. (которую в свое время закончил сам); важно, что сформулированная установка характеризует как личностно-экзистенциальный, так и житейски-профессиональный, в том числе, политический аспекты. «Никогда не сдавайтесь! Никогда не уступайте! Никогда-никогда-никогда – ни в чем: ни в великом, ни в ничтожном, ни в большом, ни в малом, – если только честь и здравый смысл не велят вам поступить иначе». Здесь замечательно не только внутреннее единство обеих на первый взгляд противоречащих друг другу частей высказывания, но и ключевая роль момента самоопределения, поскольку «честь и здравый смысл» уникальны в каждом человеке, позволяя ему — при должном внимании — сохранять свою самость на различных жизненных этапах. Вместе с тем, данное утверждение с полным правом можно считать манифестом западного социума в целом, настроенного на рационализированную экспансию и самообновление знания, деятельности, коммуникации, впечатлений, собственной психофизиологии и т.д., при подчеркнутой рефлексии относительно собственной сущности.

Базовым элементом личностной идентичности Черчилль считал язык — и в этом пункте присоединялся к широкому идейному мейнстриму западной традиции, получившей в 20 веке новый импульс. Можно сказать, что «языковой поворот», который обычно соотносят с идеями позднего Витгенштейна, гадамеровской герменевтикой, работами структуралистов, артикулировался уже в начале 20 века помимо прочего также резонансными переводами Библии на современные европейские языки. Для Черчилля, с самого начала избравшего публичность своим профессиональным измерением, такая трактовка языка была само собой разумеющейся; еще в 1908 году, выступая в Писательском клубе Лондона, он утверждал: «Слово – освободитель человека и наций». [1, 13]

Неудивительно, что через несколько десятилетий политик, общественный деятель, писатель и в скором будущем лауреат Нобелевской премии по литературе сохранил интерпретацию и приоритет феномена языка

В Фултонской речи (1946) Черчилль формулирует си-

туацию артикулированного разграничения, выраженной дифференциации, противопоставления как проявления нового расклада социально-политических идентичностей. «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен «железный занавес». За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они, в той или иной форме, объекты не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы...» [1, 170].

В самоопределении этих противостоящих идентичностей язык продолжает оставаться основой, — поэтому Черчилль высказывается за консолидацию, прежде всего, англоязычных стран, образующих специфический социально-политический и общекультурный континуум. Ведь не только победа во Второй мировой войне была бы невозможна без тесного взаимодействия англоговорящих стран, но и успешное противостояние тоталитарному противнику в ситуации «железного занавеса» требует на перспективу сотрудничества, прежде всего, родственных по языку, следовательно, по духу народов и стран. Культурная и личностная идентичность артикулируется, по Черчиллю, прежде всего, посредством языка, хотя, разумеется, он — не единственный фактор самоопределения индивидуумов и народов. Нельзя не признать проницательности концептуальных наметок Черчилля: несмотря на несомненную амбивалентность, внутреннюю противоречивость этого пространства, оно продолжает поддерживать собственный *status quo*, например, обозначая себя через современную теорию англосферы.¹

М. Хайдеггер рассматривал вопрос внутренней сути человека, его «идентичности»² с самого начала в специфическом философско-квaziтеологическом горизонте; при этом феномен языка, речи, Слова также оказывался принципиально важным. Вводя в «Бытии и времени» (1925) фундаментальное различие двух измерений человеческой самости, «Dasein» versus «das Man», философ предвосхищал более поздние популярные идеи «плоского», «одномерного» человека в нивелирующем любую личность современном буржуазном обществе. Хотя следует заметить, что в это же время социальный фрейдизм уже исследовал феномен «толпы» и трансформацию поведения человека в толпе, принимая во внимание зреющие в тогдашней Европе социально-политические процессы. Хайдеггер же проводил свои экспликации на примерах академической среды. Вместе с тем, именно философ-

1 Известно, что практика не подтверждает и не опровергает теорию, однако относительно недавняя коллизия с австралийско-французским контрактом на поставку подводных лодок напоминает об идеях Черчилля, — если рассматривать ситуацию всерьез, а не пользоваться расхожим мнением, что Америка управляет всем миром.

2 Философ никогда не использовал данный термин, хотя уделял много внимания осмыслению именно этой проблемы.

ско-теологический ракурс позволял ему говорить о человеке как таковом, в том числе, о современном человеке, которому предоставлено личностное уникальное бытие – Dasein, – но который чаще выбирает существование в качестве усредненной обезличенности, Man [10, 126].

Оба измерения находят выражение в соответственно различающихся языковых ипостасях: «Язык», (die Sprache), которым изъясняется подлинное бытие человека, и «Болтовня» (das Gerede), которой пользуется человеческая посредственность любого уровня и квалификации. [10, 167]

И М. Хайдеггер, и У. Черчилль не закрывают возможности выхода к собственной самости в случае несобственного языкового пространства; английский язык, чуждая культура, у/освоенные доминионами и протекторатами, могут стимулировать активность национального самосознания, а «болтовня» может в известный момент подтолкнуть к упомянутому выше августиновскому вопросу (кстати, Августин описывает в «Исповеди» как раз такое обстоятельство).

Подлинное вопрошание о своей самости оказывается, по Хайдеггеру, константой человеческого бытия, можно сказать, его ядром, тогда как периодически даваемые ответы априори не полны, хоть и конкретны, а, значит, неверны. Характерным примером может послужить собственная позиция философа по вопросу национальной идентичности, которую он занял в 30-е годы, и которая в ряде моментов осталась для него значимой в дальнейшем. П. Травни подчеркивал, что на формирование хайдеггеровского отношения к национал-социализму и вопросу самости большое влияние оказал Эрнст Юнгер с его работами «Die totale Mobilmachung» (1930) и «Der Arbeiter» (1932). Юнгер характеризовал особенность немецкой природы через «тотальность» и «техничность», выявляющие социальное «мы», которое представляет настоящих немцев. [13, 212-213] При национал-социализме М. Хайдеггер на какое-то время включается в идеологическую и партийную деятельность, видя в них как раз проявления подлинного национального духа и характера. Вместе с тем, в 1933 г. он пишет доклад «Der deutscher Student als Arbeiter», где переосмысливает феномен техники; она не выводит человека к собственной идентичности, скорее, маскирует, деформирует ее. Этот вектор уже указывает на будущие послевоенные работы, в том числе, «Письмо о гуманизме» (1946), где Хайдеггер формулирует ряд важных перспективных положений, касающихся проблемы сущности (идентичности) человека и ситуации в мире.

Достаточно последовательно и весьма провокативно Хайдеггер трактует гуманизм исходя из этимологии как целенаправленное акцентуирование человеческой конкретности и замыкание на ней. При таком фактическом обожевлении современного технократического человека, антрополатрии, утрачивается истинная система

смысловых координат, происходит «забвение Бытия», и гуманизм, где человек предоставлен лишь себе и своим техническим изобретениям, оказывается подлинной причиной всех катастроф XX века. Выход из данной ситуации возможен на том же самом пути вопрошания о собственной самости, а оно, в свою очередь, нуждается во внимании к языку, поскольку «язык – дом Бытия». [8, 145]

Подобный критический настрой относительно всего западного идейно-философского наследия поспособствовал избирательному вниманию мыслителя к восточным духовным традициям. О. Пёггелер отмечает: в послевоенное время Хайдеггер полагал, что именно в России (которую он воспринимал через призму произведений Достоевского), а не в Соединенных Штатах, возможны перспективы проявления подлинного онтологического осмысления, и соответственно, настоящего образца идентичности. [11, 380-381]

Специфический аспект темы идентичности на фоне послевоенной ситуации обозначил Карл Ясперс, коллега и оппонент Хайдеггера. Он обратился к вопросу коллективной национальной вины и ответственности за произошедшие мировые события. Осмысление этих вины и ответственности будет способствовать самознанию каждой личности и пониманию диалектического единства ее двух измерений: общечеловеческого и национального. В этом плане у немцев оказывается особое место среди народов. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что философско-политическую концепцию Ясперса необходимо рассматривать в контексте метафизико-теологических аллюзий, учитывая его ключевую идею интеграции веры и философской мысли. Соответственно, ясперсовская конкретная «немецкая вина» варьирует библейский концепт греховности человечества и бесчисленные примеры вины разных народов.

Разумеется, современность привносит в этот концепт свои коррективы, которые, по убеждению философа, заключаются в серьезном, ответственном отношении к мысли, рефлексии, пониманию. Такая ответственность становится в нынешних обстоятельствах тяжелым духовным испытанием, которое необходимо пройти для понимания собственной коллективной и индивидуальной сущности: «Общее у нас, немцев, сегодня в основном, пожалуй, лишь негативно: принадлежность к населению полностью побежденного государства, отсутствие общей, всех нас соединяющей почвы... Общее у нас — разобщенность...» и, далее: «...у нас такое ощущение, будто мы пришли из разных миров. Однако, все мы говорим на немецком языке, и все родились в этой стране, и здесь наша родина...» [4, 10-11]. И здесь философ уточняет: «Только церковная или трансцендентно обоснованная философская вера может выдержать все эти катастрофы...» [4, 13].

Анализируя вопрос подробно, Ясперс выделяет че-

тыре вида виновности: уголовную, политическую, моральную и метафизическую, сосредоточиваясь на двух последних. При ближайшем рассмотрении все они выступают взаимоконвертируемыми феноменами подобно христианскому принципу соотношения блага и бытия, но именно моральная и метафизическая аутентичны самопониманию, которое указывает на путь к Богу. «Есть такая солидарность между людьми как таковыми, которая делает каждого тоже ответственным за всякое зло, за всякую несправедливость в мире, особенно за преступления, совершаемые в его присутствии или с его ведома. Если я не делаю, что могу, чтобы предотвратить их, я тоже виновен» [4, 19]. В соответствии с этим философ поясняет status quo современной немецкой идентичности: «Мы, немцы, все без исключения, действительно обязаны иметь ясность в вопросе нашей виновности и сделать из этого выводы.... Уже то, что думает о нас мир не должно быть для нас безразлично; ибо мы знаем, что составляем часть человечества, мы сначала люди, а потом немцы. Вопрос виновности – это еще в большей мере, чем вопрос других к нам, наш вопрос к самим себе. От того, как мы ответим на него в глубине души, зависит наше теперешнее мировосприятие и самосознание. Это вопрос жизни для немецкой души. Только через него может произойти поворот, который приведет нас к обновлению нашей сути³. Когда нас объявляют виновными победители, это имеет серьезнейшие последствия для нашего существования, носит политический характер, но не помогает нам в самом важном – совершить внутренний поворот... Философия и богословие призваны осветить глубину вопроса виновности» [4, 16].

Идеи, высказанные в переломную эпоху недавнего, но уже прошлого столетия, оказываются во многом созвучными современным событиям и возникающим вопросам. Это относится и к более чем неоднозначной фигуре М. Хайдеггера, наследие которого, как отмечают исследователи, обнаруживает своего рода «красную идейную нить», способствующую его рецепциям «в интернациональном масштабе». Так А.-А. Зельтер пишет о хайдеггеровской радикальной критике культуры, которая осуществляется в широком горизонте метафизико-философской рефлексии с выводами на конкретные обстоятельства: от «отчуждения» в социальном пространстве до «опустынивания» («Verwüstung») в ходе разворачивающегося процесса захватывания человеком всего земного шара («Planetarismus»). Лейтмотивом хайдеггеровского учения становится катастрофичность образа жизни человека как такового, когда он реализует свою «неправильную» идентичность. Автор связывает этот культуркритицистский радикализм Хайдеггера не только с трендом современности (кстати, сходные мысли высказывались Ясперсом в работе «Духовная ситуация времени», 1932), но и с «катастрофически ошибочными оценками политической ситуации и ее тенденций». Именно эти моменты требуют аргументированных обсуждений, поскольку задействуются в дискуссиях нынешних политических феноменов – Новых правых, популизма; а в этих дискуссиях осуществляется «реактуализация хайдеггеровских мотивов идентичности как конфликтного вопроса, этнической гомогенности как целеполагания, дезавуирования медиальной публичности» [12, 203].

ЛИТЕРАТУРА

1. Черчилль У.С. Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. М.: Альпина нон-фикшн. 2014. - 644 с.
2. Черчилль У.С. Рождение Британии. М.: Русич, 2003. - 512 с.
3. Черчилль У.С. Вторая мировая война. В 3 тт. (пер. на русский). М.: Альпина нон-фикшн. 2010.
4. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. Пер. с нем. С. Апта. М.: Прогресс. 1999. - 146 с.
5. Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы. Пер. с нем. М.: Международные отношения. 1969. - 225 с.
6. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis. GA Bd. 65. Fr/München: Klostermann. 1994.
7. Heidegger M. Die Geschichte des Seyns. GA Bd. 69. Fr/München: Klostermann. 1998.
8. Heidegger M. Brief über den «Humanismus». // Heidegger M. Wegmarken. Fr.a.M: Klostermann. 1967.
9. Heidegger M. Schwarze Hefte. GA Bd. 94-95-96. Fr/München: Klostermann. 2014.
10. Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen. Max Niemeyer Verlag. 1967. S. 438.
11. Pöggeler O. Ethik und Politik bei Heidegger. // Heidegger-Jahrbuch 5. Heidegger und der National-Sozialismus. Dokumente. Fr./München. 2009. S. 371-382.
12. Sölter A.-A. «Und das jetzige Menschentum verschwindet». Heideggers kulturkritische Diagnose des gegenwertigen Zeitalters in den Schwarzen Heften // Heidegger-Jahrbuch 12. Jenseits von Polemik und Apologie. Die «Schwarzen Hefte» in der Diskussion. Fr./München. 2020. S. 171-205.
13. Trawny P. Was ist «Deutschland»? Ernst Jüngers Bedeutung für Martin Heideggers Stellung zum Nationalsozialismus. // Heidegger-Jahrbuch 5. Heidegger und der National-Sozialismus. Dokumente. Fr./München. 2009. S. 209-234.

© Бросова Наталья Зиновьевна (n.brosova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

3 Аллюзия на новозаветный сюжет о пути в Дамаск - μετάνοια апостола Павла.